

Известный российский мультипликатор Гарри Бардин за один из эпизодов своего нового фильма «Кот в сапогах» будет или возвеличен французским народом или подвержен им страшному остракизму.

Победно шествовавшая по европейскому экрану «Красная Шапочка», герои которой распеваля арии, стилизованные под поп-шлягеры разных времен и народов, проложила дорогу следующей «крупномасштабной» мультипликации — вольному переложению сказки Шарля Перро «Кот в сапогах». Авантюрный сюжет (всем известный) времени отживания рыцарских романов, когда уже только коты увлекались кодексами убийственно отважных и дерзко благотворительных поступков, переволотился в историю, где на манер ялтинской конференции трех держав интригуют американец (Кот), русский (Иван), француз (паленька Прицесссы), а в качестве главного врага — герр Обжора германского происхождения.

События разворачиваются в духе, в сущности, Вуди Аллена: сельскому алкоголику Ивану в качестве гуманитарной помощи достается натурально кот в мешке. Тот оказывается летучим, ибо безо всяких метафор держит хвост пропеллером. Все гуманитарное, что он может предложить Ивану, это срочная эвакуация через океан в земли в большей степени обетованные. Но на воздушной трассе Иван (имя его уже произносится с характерным англо-саксонским придыханием) теряет взятую им в виде безотказной спутницы бутылку водки.

Приходится совершать посадку, и недолгое похмелье застигает молодца в прекрасной Франции под аккомпанемент хрустального звона рушимых стекол в галерее королевских покоев. Далее на авансцене появляется меланхоличная принцесса, ее царствующий отец, а также великан-оборотень, угождающий свое чрево худосочными французоидами, которые совершают куртуазные попытки

побегов из фарфоровой тарелки, но себрбряная видка настывает изящных бедолаг; обреченные томятся в супнице. Но наступает справедливый момент и, сбрасывая крышку, они восстают из супа на манер стручков фасоли, размахивая трехцветным знаменем свободы в такт Марсельезе (следуя рецепту должно ли оно ассоциироваться с ломтиком сыра?).

Суп по-бардински

Вот здесь любопытно, как проявит себя французский зритель: воспримет ли сцену как комплимент своему гастрономическому свободомыслию и одновременно блестящий опыт буквализации извещной реплики «французы остаются независимыми, пока жива их кухня», или расценят как не самое осторожное обращение с национальной кулинарной мифологией. Надеемся, что последнее наше предположение — продукт более, чем осторожного ума.

При желании можно трактовать расстановку сил в новой версии «Кота...». Мы видим: в пространстве, где новая и новейшая истории сливаются, американцы выполняют функции, в сущности, ангелов, или, по-ихнему, «найс гаев» (читай, славных парней) — они и летают, они и помогают, в Европе — бури в супнице, русские с водкой — на плэзере, как позабытые живописцем натурщики. Но стоит ли задаваться такими винтовыми вопросами, имея перед собой условную реальность? Вряд ли, а то мы дойдем до вопроса, почему авторская мысль топит французам в супе, а не в толком болотце карамельного крема, например.

Вообще, дивно комична трансформация сказки Перро как пародии на рыцарский роман в новую пародию и, в сущности, тоже на рыцарский и тоже роман, где Кот выглядит трогательным

образцом «ленд-лиза», а плутовские коллизии — комиксовой метафорой их места в нашей жизни. Франция традиционно оказывается воронкой, куда всех затягивает, несмотря на другие маршруты, то есть фрейдистской, а не насыщенной землей обетованной.

Заметим, что позволяет нам пускаться в эти любопытные для нас тяжкие, кинематографическая самодостаточность

новой интерпретации. Ибо только эстетически целостное произведение приятно разывать алгеброй, если же оно само разваливается на части, то только изъятые воспитания позволят умножать разруху.

Заметим, что вообще при нынешнем упадке отечественной фактуры как таковой, мультипликация (особенно качественная) становится запеведником интерьерной полноценности в отечественном кинематографе. В отношении «Кота...» можно даже употреблять формулировку «роскошь». Куклы и декорации сделаны с тщательностью и доском, требуемым барочным происхождением оригинала.

Шикарные бархатные и атласные лоскутки по традиции уже скоплены были в мастерских Большого театра. Пластин был прислан классиком британской анимации Ником Парком (разговор с ним шел только об образцах гуттаперчивого материала, с которым работает он сам, но британец повел себя как аттический солдат, в своего врага влюбленный, и не стал размениваться на малые дозы, прислав столько, сколько нужно на всю картину). Роскино вложило свою сурово аскетичную, но теперь уже с трудом подражаемую финансовую лепту в производство. Таковы хитросплетения мира, с которого, по нитке. В ре-

зультате кринолины и фонтанжи были соблажены. А российская плодородная грязь была исполнена из натурального продукта, что прибавило постановке драматизма.

Обратим внимание — теперь уже намечился путь «голлиудизации» кинематографа Гарри Бардина. От анимации модернистской, в которой развивалась пластическая драматургия материалов (пластилин, спичек), он перешел к грандиозным в размерах мультипространства постановкам, ориентирующимся на универсальные культурные мифологемы и «высокий стиль» театрализации. Осанка и речевой посыл Кота-американца выдает школу Малого театра (в большей степени, чем демагогические высоты адвокатуры в исполнении голливудских актеров). Алкогольный пафос Ивана исполнен оперного величия. Поза герра Обжоры напомним нам Паваротти. Однако драматургический потенциал материала (из которого делаются куклы) — пластилина раскрывается здесь на новом уровне, переходя из области, где его обязательства сводятся к тому, чтобы быть самим собой, в потребительскую сферу, где его упругая подвижность, сферичная, оценивающая и ощущающая территорию вокруг себя гуттаперчивость, переводит кукольных персонажей из ранга условных фигурок, приуроченных домашних тотемчиков для детских сердечек и головок, в статус гуманитарно настроенных организмов, наделенных всеми соответствующими физическими и интеллектуальными способностями и реакциями.

Пластилиновые движения дают эффект зафиксированных одновременно в разных фазах движений людей; при том, что пластилиновые тела эти двигаются в спортсменской манере, то получается фактура, которую мы охарактеризовали бы как «бодрящий импрессионизм». Все вышеописанное, конечно, результат высокой техники исполнения.

Марина ДРОЗДОВА.